

ПОДВИЖНИКИ

ДВЕ СУДЬБЫ В ТЕАТРЕ ОДНОГО АКТЕРА

ПОСЛЕ окончания учебы в ГИТИСе им. А. В. Луначарского Клавдия Келтуитору сыграла немало интересных ролей в различных театрах республики, но страсть к поэзии и мечта поставить свой моноспектакль привели ее в концертную организацию — в Молдавскую филармонию, чтобы создать театр одного актера.

Знала ли она, что здесь придется ей осваивать далеко не смежную профессию администратора, который должен обеспечить выполнение производственного плана, организацию выездных спектаклей, вплоть до распространения билетов? Вероятно, знала, поскольку, как утверждает теперь председатель профкома филармонии Ю. Горшков, была ознакомлена с условиями работы солистов-тчецов, которые должны «организовывать выступление своими силами», так как бригадир (читай — администратор) положен в группе, состоящей более чем из трех человек.

Однако вряд ли представляла до конца роль организатора своих же собственных гастролей. Скорее всего, надеялась на помощь, участие, внимание со стороны администрации, святая обязанность которой создать условия труда всем творческим работникам. Бедь именно об этом пространно (150 пунктов взаимных обязательств!) повествует коллективный договор.

Увы, ее надежды с первых дней не оправдались. Блеклая, невзрачная афиша с ошибками в тексте. Костюм, сшитый за собственный счет. Репетиции в парке под открытым небом — другого «помещения» не было. Не выделялся и транспорт: с концертом в сельскую глубинку отправлялась на попутной машине или рейсовым автобусом. О режиссуре, конференции, музыкальном сопровождении или декорациях, создающих особую атмосферу, и вовсе речи не было. Администрация не создала элементарных условий для полноценной творческой работы. Но план при этом утвердила сразу — 185 концертов за год. При всем желании Келтуитору организовать их, а тем более исполнить не могла. Так у нее с администрацией возникли трудовые споры, а точнее — разногласия. Скажем так: поэзия души столкнулась с прозой жизни...

Вот такая история. Она и впрямь похожа на плохую драму, в которой пришлось сыграть актрисе далеко не завидную роль. Но, прежде чем делать выводы, мне бы хотелось представить вам еще одного актера, который тоже мечтал создать свой театр. Зовут его Думитру Фусу.

КОГДА УЧИЛСЯ в Москве в Щукинском училище и приезжал домой на летние каникулы, то участвовал в коротких и веселых скетчах, показанных со сцены сельского Дома культуры. Потом артист увлекся Шекспиром. Около двадцати ролей и сцен, поставленных по пьесам великого драматурга, легли в основу моноспектакля «Век человеческий». И вот пришел он в филармонию...

Что из этого получилось? «На меня смотрели, как на первый локомотив Стивенсона», — признался актер, — когда я открыл свой театр... Однако мой Шекспир крестьянам нравился. В маленьких сельских клубах, где любил я выступать, всегда было полно народу...

С рюкзаком за спиной Фусу исколесил, а точнее, обошел почти всю республику. Он стал изучать древний эпос, молдавский фольклор и обнаружил, что стихи необычайно певучи. Стал исполнять народные баллады, писать музыку в стиле «фолк». В его творчестве появился новый жанр — моноопера.

«Я хочу знать, на что способен» — как бы оправдывал актер свою необычайную работоспособность. Когда он подготовил программу по ранним произведениям Иона Друцэ, вместе с ним в пешее турне — от села к селу, от клуба к клубу — отправился и сам писатель. Он впервые увидел свои инсценированные рассказы и остался доволен их талантливым исполнением. Транспорт они находили попутный, актер сам организовывал спектакль, расклеивал афиши и продавал билеты. Деньги он никогда не считал, сдавая выручку, чем приводил бухгалтеров в неописуемый ужас.

А выручка была солидная, хотя план на выступления ему тогда никто не утверждал. Фусу подготовил шесть программ. Его охотно принимали в школах и в профтехучилищах, в сельских клубах и городских домах культуры. Ему ничего не стоило остановиться в поле, где работали люди, и, дождавшись перерыва, показать им спектакль прямо с кузова автомашины.

Фусу приглашали на литературные встречи и вечера писатели, поэты, к его услугам не раз прибегало и общество «Знание». Энергичный, легкий на подъем, он, где мог, там и работал, не беспокоясь особенно об условиях. И на отдых частенько располагался тут же, где застала его ночь после спектакля. Но для этого, по крайней мере, надо родиться мужчиной. А каково же было женщине?

КОГДА Клавдия Келтуитору читала стихи Василе Александри и Михаила Эминеску, поднималась к вершинам молдавской народной поэзии, то забывала о неурядицах в театре одного актера. Но стоило сойти со сцены, как мучили сомнения: «Театр? Не громко ли все это сказано?».

Еще четыре года назад художественный совет принял ее первую программу, посвященную творчеству молдавских классиков. Уже тогда она имела право выступать в качестве артистки разговорного жанра с сольным отделением. Но утвердили это право лишь в прошлом году, используя ее талант по сути дела не по назначению — в различных лекторских группах, где актерское мастерство особо и не требуется. Признание было запоздалым и в сущности формальным, поскольку администрация уже не знала, как избавиться от беспокойной и не в меру требовательной артистки.

Однажды был даже издан приказ об увольнении Келтуитору за прогул. Однако народный суд признал увольнение незаконным и восстановил ее на работе. В самом деле, как классифицировать, определить прогул, если у актрисы нет постоянного рабочего места, помещения для репетиций, четкого графика работы. Ведь в таблице учета рабочего времени в таком случае можно написать что угодно.

Так, собственно, и получилось. В тот день ей нездоровилось, когда начальник гастрольно-концертного отдела филармонии Л. Греку неожиданно сообщила, что нужно ехать с сольным выступлением в Сороки. К тому же внезапно ударили морозы, довольно крепкие для здешних теплых мест. Она попросила перенести концерт на другой день, чтобы забрать теплые вещи, которых у нее с собой не было, но просьба эта была категорически отвергнута. Невзирая на плохое самочувствие, Келтуитору тут же выехала к матери, взяла пальто и часа через три доложила начальству, что готова к поездке на север Молдавии. В ответ по телефону сообщили, что концерт в Сороках снят бесповоротно и за срыв актриса будет отвечать.

Потом был издан приказ об увольнении К. Келтуитору «за прогулы», и профком дал на это согласие, мотивируя тем, что актриса хронически не выполняет план. И вновь она оказалась в роли истца, а дирекция филармонии стала ответчиком. На этот раз народный суд Ленинского района Кишинева признал, что актриса допустила прогулы без уважительных причин, и отказал ей в удовлетворении иска о восстановлении на работе.

Непонятно, как можно сослаться на таблицу учета рабочего времени? В «Положении об условиях и оплате труда работников концертных организаций» говорится, что администрация вправе разрешить исполнителям репетировать за пределами филармонии в тех случаях, когда она не имеет возможности предоставить им помещение для работы. Этим правом пользуется не только Келтуитору — многие творческие работники филармонии.

ОДНАКО речь сегодня не об этом. Давайте вспомним все-таки о бережном и чутком отношении к таланту. Само разбирательство, судебная процедура, как известно, доставляет человеку мало радости. А особенно женщине, актрисе, к тому же молодой: не пристало ей таскаться по судам. Ну, а как иначе постоять за себя?

С тех пор, как «заварилась эта каша», она, сгорая от стыда и унижения, ушла из филармонии, не получив даже окончательного расчета. И никто ведь не вспомнил об этом. Но вот, представьте, спустя полгода к ней пришло официальное письмо с просьбой «возвратить на склад юбку стоимостью 16 рублей 89 копеек». И с грозным предупреждением: «В противном случае дирекция вынуждена будет обратиться с иском в народный суд для принудительного взыскания долга с отнесением за ваш счет всех судебных расходов...»

Хочу понять: откуда этот казенный и оскорбительный, равнодушно канцелярский тон обращения? Неужели нельзя решить все по-человечески, не ущемляя достоинства личности? За короткий срок с интервалом в каких-то полгода Клавдия получила три строгих выговора «за систематическое невыполнение концертной нормы, нарушение трудовой и творческой (?) дисциплины». С легкой руки не в меру ретивой администрации молодой актрисе пришил ярлык злостной прогульщицы...

Да возможно ли и впрямь такое отношение к актрисе в театре, где постигаем мы уроки мудрости и доброты, чести, рыцарства, отваги? В театре, может быть, и нет, а в филармонии возможно. Дело в том, что здесь свои задачи и законы жанра, понимание специфики искусства, свой зритель, наконец, и огромный финансовый план. Администрации попросту нет дела до какого-то театра одного актера с его возвышенными целями и копеечными сборами!

Театр малых форм переживает сегодня своеобразный кризис, в то время как дивертимент — так называемый «легкий» жанр, интересы которого и защищает в основном филармония, пользуется популярностью. Далеко не каждый актер решится на маленькой сцене или просто в тесном зале предстать перед публикой один, без партнеров, декораций, реквизита. На успех в таких случаях могут рассчитывать лишь самые одаренные исполнители.

Однако и их мастерство с годами может поблекнуть без помощи сценаристов, режиссеров, театральных художников, без поддержки и внимания администрации. Нельзя театру — пусть и одного актера — находиться в полном одиночестве. Тем более нельзя бросать его на произвол судьбы в наше время, когда возрастает роль искусства в эстетическом, духовном развитии народа, особенно молодежи. Почему же два ярких представителя, подвижника монодрамы — Клавдия Келтуитору и Думитру Фусу не нашли себя в театре одного актера?

ЕЩЕ РАЗ вспомним Фусу. Как получилось, что его театр, такой необходимый людям, перестал существовать? Не год и не два — гораздо больше провел актер «на свободных хлебах». Вокруг него шли разговоры: непризнанный, дескать, талант. И, согласитесь, можно было бы легко «сломаться», смириться с этим положением. Ведь и на самом деле, вроде бы, непризнанный. Хотя и стихи, и музыку пишет, и художник — три персональных выставки... А главное — какой актер!

Когда посмотрели один из его спектаклей в Министерстве культуры республики, заместитель министра А. Данилэ воскликнул: «И это золото отдать филармонии!». Судьба актера вскоре была решена: его пригласили в Молдавский академический музыкально-драматический театр имени А. С. Пушкина.

А что же Клавдия Келтуитору? Она тоже не утратила надежды, что пригласят ее когда-нибудь на сцену. Вот и новую программу подготовила — о творчестве Марины Цветаевой.

Но о Клавдии Келтуитору никто не вспомнил. Ни в Министерстве культуры, ни в ведущем театре республики — музыкально-драматическом.

...Они случайно встретились на улице и долго говорили, вспоминая лучшие роли. Говорили о том, что сделано, а что не удалось... Не удалось, разумеется, многое. Но верится, все впереди. Поэтому, быть может, и решился я рассказать об этих разных людях, у которых в принципе одна судьба.

В. КАЧУРИН,
наш соб. корр.

КИШИНЕВ.